

Шэн Цзяньвэй смотрел на него, видя, как его брови сведены, глаза мигают, словно он вот-вот заплачет. Он наблюдал за ним некоторое время, видя, как его глаза становятся влажными, и вдруг протянул руку, чтобы коснуться его лица. Его ладонь почти коснулась щеки, но резко остановилась и, немного помедлив, медленно опустилась.

Божественный Владыка Цин Ду внезапно почувствовал себя потерянным. В этот момент он действительно ощутил себя духом, неспособным покинуть мирскую суету, упорно блуждающим в мире людей.

Шэн Цзяньвэй молча стоял рядом, наблюдая, как тот вытирает слезы рукавом, и в его сердце тоже появилась горечь. Божественный Владыка Цин Ду, которого бесчисленные адепты почитали день и ночь, начал постигать Дао у могилы простого смертного. Он смотрел на плачущее лицо, размышлял и в конце концов нашел причину своего смятения: мирская суета слишком сильно тревожит сердце.

Божественный Владыка Цин Ду решил, что ему не стоит здесь оставаться, и собрался вернуться в Пруд Расколотого Снега, чтобы укрепить свой дух. Однако, едва он вышел из Диска Восьми Звезд, его остановил Нин Чжи:

— Божественный Владыка, а где Лампа Милосердия? Ты забрал ее?

Только тогда Божественный Владыка вспомнил, зачем он вообще спустился в мир людей, но, к сожалению, он совершенно забыл об этом. Он сдержанно ответил:

— Иди и забери ее сам.

Не обращая внимания на выражение лица Нин Чжи, который явно не был доволен, он повернулся и ушел, но через несколько шагов обернулся и добавил:

— Когда Ци Гу вернется, сообщи мне.

Нин Чжи едва сдержал желание подшутить над Божественным Владыкой, ведь увидеть Цин Ду в таком состоянии было редкостью. Но он смог сдержать смех и только сказал:

— Не беспокойся, Божественный Владыка, как только он вернется, я сразу отправлю его к тебе.

Когда Божественный Владыка исчез в облаках, не оставив и следа, Нин Чжи открыл Диск Восьми Звезд и с улыбкой пробормотал:

— Ци Гу выглядит как наивный белый цветок, ничего не понимает, действует по наитию. Я думал, что Цин Ду, воспитывая его, быстро устанет от его недалекости. Но, похоже, наш многоопытный Высший Божество как раз и любит таких. Это удивительно.

Нин Чжи, чем больше думал об этом, тем больше радовался, не обращая внимания на то, что Божественный Владыка заставил его открыть Диск Восьми Звезд, но сам не выполнил свою задачу. Он с удовольствием думал о том, что, когда Ци Гу вернется, он все ему расскажет!

Нин Чжи уже представлял, как Хуа Чжаошуй покраснеет до ушей, и, чувствуя, что стал свидетелем сразу двух забавных сцен, был в восторге. Он с готовностью отправился в мир людей, чтобы забрать буддийскую лампу.

Нин Чжи вернул лампу Шэн Цзяньвэй. Божественный Владыка Цин Ду последние дни провел в

Пруду Расколотого Снега, постигая Дао, и не хотел говорить ни слова. Нин Чжи, прежде чем тот забрал лампу, с удивлением заметил:

— Странно, совсем недавно лампа казалась полной энергии, а теперь снова выглядит безжизненной. Может, ей нужно оставаться в мире людей?

Шэн Цзяньвэй наконец поднял глаза, посмотрел на лампу и спросил:

— Ты дал Ци Гу эту лампу, чтобы найти духа лампы, верно? Что, еще не нашел?

Нин Чжи вздохнул:

— Духа лампы не нашел, зато привлек несколько зловредных духов... Я передал их на гору Линъюнь, ничего страшного.

Божественный Владыка закрыл глаза, собираясь снова погрузиться в медитацию. Нин Чжи махнул рукой, не стал больше говорить и уже собирался уйти, когда вдруг услышал:

— В тот раз, когда у него болело сердце, это тоже было из-за этого?

Нин Чжи резко остановился и поспешно ответил:

— Я не знаю, это точно не из-за меня.

Шэн Цзяньвэй не ответил, и Нин Чжи, подождав немного, убедился, что больше никаких поручений не будет, тихо удалился. Сосчитав, он понял, что испытание Хуа Чжаошуй в мире людей должно было закончиться, и ускорил шаг, думая, что, если не удалось пошутить над Божественным Владыкой, то над этим «белым цветочком» можно и повеселиться.

Нин Чжи, с намерением посмотреть на забавную сцену, подошел к Диску Восьми Звезд как раз в тот момент, когда Хуа Чжаошуй только что вышел из него и чуть не упал, сделав несколько шагов, чтобы удержать равновесие.

— Ци Гу вернулся, — Нин Чжи с улыбкой подошел к нему, настолько обрадованный, что у белого павлина, в которого он превратился, расправились крылья. — Как прошло твое путешествие?

Хуа Чжаошуй реагировал медленно, даже не пытаясь уклониться от его крыльев, и только когда перья коснулись его лица, он отпрянул.

— Что с тобой? Ты что, одурел?

Хуа Чжаошуй посмотрел на него с грустным выражением лица, не отвечая, нашел уголок и сел, опустив голову и дергая свою одежду.

— Эй, почему ты тут сидишь? Твой учитель сказал, чтобы ты, вернувшись, сразу пошел к нему.

Эти слова только ухудшили настроение Хуа Чжаошуй, и он мрачно пробормотал:

— Я не хочу идти.

Нин Чжи сел рядом с ним, улыбаясь, и нарочно спросил:

— Почему не хочешь? Ты ведь всегда слушаешься его. Редкий случай, когда ты так себя

ведешь.

Хуа Чжаошуй опустил голову, его руки сжимали одежду, и он тихо сказал:

— Я не только не хочу идти, я еще и жить не хочу.

Нин Чжи едва сдержал смех, притворно кашлянул:

— Это просто испытание, не принимай его так близко к сердцу. Твой учитель так о тебе заботится. Он ведь вернулся, но все равно беспокоится о тебе, даже заглянул в Диск Восьми Звезд, чтобы посмотреть на тебя. За тысячи лет никто больше не удостоивался такой чести. Не горюй.

Хуа Чжаошуй резко поднял голову, не веря своим ушам:

— Он смотрел на меня?

— Да, когда ты плакал у могилы.

Теперь Хуа Чжаошуй покраснел не только до ушей, но и до шеи. Нин Чжи, видя его состояние, с трудом сдерживал смех, отвернулся и тихо смеялся некоторое время.

Хуа Чжаошуй был настолько смущен, что его тело дрогнуло, и он превратился в ветку орхидеи, которая тут же прилипла к рукаву Нин Чжи, став красивым узором на его одежде.

— Эй! Ты не можешь оставаться здесь! — Нин Чжи потряс рукавом, но безрезультатно. — Если Цин Ду не найдет тебя, он опять будет винить меня. Эй, малыш! Не наводи на меня беду!

Хуа Чжаошуй не обращал на него внимания, спокойно оставаясь узором на рукаве, и никакие уговоры не могли заставить его выйти.

— Если ты не выйдешь, я отведу тебя к твоему учителю, и он сам тебя вытащит. — Нин Чжи, видя, что уговоры не помогают, перешел к угрозам.

— Не надо... — Хуа Чжаошуй наконец заговорил, неохотно сказав:

— Дай мне немного времени, я не хочу его видеть.

— Это же просто испытание в мире людей, почему ты так заикнулся? — Нин Чжи снова улыбнулся, говоря как будто в пустоту. — В Небесах Четырех Брахм многие проходили испытание Красной Пылью, видели всякое. Ты просто еще мало видел, пройди еще несколько раз, и не будешь так переживать.

Хуа Чжаошуй фыркнул:

— Мне кажется, ты просто издеваешься надо мной.

— Клянусь небом и землей, что это не так! — Нин Чжи возмутился. — Даже если я иногда подшучивал над тобой, я бы никогда не осмелился подшутить над твоим учителем!

Сказав это, он снова рассмеялся:

— Ну что, Сяо Хуа, ты все еще считаешь, что твой учитель — самый добрый бог на свете?

Хуа Чжаошуй, видимо, снова разозлился на него, не сказал ни слова, а орхидея на рукаве повернулась, словно человек, недовольно переворачиваясь.

Нин Чжи покашлял, притворно серьезно сказал:

— Ты не можешь на меня злиться за это. Я же говорил, что он строгий, а ты не верил, считал, что я просто завидую, потому что не могу с ним справиться. Ну что, теперь ты сам видишь, что я не врал? Может, сначала извинишься передо мной?

Хуа Чжаошуй молчал некоторое время, затем сказал:

— Испытание в мире людей не считается, это ведь ты говорил?

Нин Чжи на мгновение замялся, затем сдался:

— Ты сам не хочешь идти к нему, а теперь еще и защищаешь его. С кем ты вообще ссоришься?

Он потряс рукавом, глядя на орхидею:

— Если ты не выйдешь, мне придется отвести тебя в Пруд Расколотого Снега.

Орхидея слегка дрогнула, и Хуа Чжаошуй с мольбой сказал:

— Дай мне немного времени, я не знаю, что сказать учителю.

<http://bllate.org/book/16756/1562955>